

В. В. РОЗАНОВ

Папская «непогрешимость» как орудие реформации без революции

В интересной статье г. А. Киреева «Новая энциклика папы» высказано несколько таких слов о положении Церкви, не только одной католической, хотя преимущественно ее, которые заслуживают внимания и некоторого истолкования. И в этой же статье впервые в нашей литературе сделан намек или вырвалась догадка об истинном смысле знаменитого догмата о «папской непогрешимости», никогда и ничего у нас не вызывавшего, в том числе и у г. А. Киреева в его прежних трудах и даже частью в данной статье, кроме глумления. Он говорит, упомянув об этом догмате:

«Несомненно, что современная богословская мысль и у нас начинает тяготиться схоластическими оковами, в которых ее держали немало времени, что она начинает протестовать против такого ярма. Это не только ее законное право, но и существенное условие ее преуспевания. Современный человек не может довольствоваться одними ссылками на тексты, на «правило» такое-то; его не убеждает факт, что так, мол, *magister dixit*¹. Он требует еще и другого, большего: он ищет еще и иных доказательств. Может быть, он иногда идет и далее должного, но все же он во многом прав. Между нашими наставниками есть многие, которые сознают, что старые приемы отжили свой век, что им нельзя держаться за их излюбленное «*magister dixit*»; которые видят, что их аргументы не выдерживают современной многосторонней критики». И т. д.

Заметим, что в терминологии автора слово «правила» может быть отнесено только к «апостольским правилам», что едва ли входило в мысль автора; или к «правилам Вселенских поместных соборов», или, наконец, к «правилам святых (некоторых, например, Василия Великого) отцов». А «*magister dixit*» может относиться только к «мнениям древних Отцов и учителей Церкви», за праведную жизнь

канонизованных. Чтобы понять это в устах такого осторожного и охранительного писателя, как г. А. Киреев, следует, конечно, приучиться различать, что «святые» суть святые «по жизни», а не по infallibilitate² суждения. Они были разумом и в сочинениях своих как и все смертные — погрешимы. Иначе они не умерли бы, засветились бы, как боги, вышли бы из первородного греха, что недопустимо, и прежде всего этого не допустит Церковь. К ним всем приложимо то, что Златоуст сказал об ап. Павле: «хотя и Павел, однако же, человек», и невозможно им приписывать всеведения или безгрешности суждения и знания — свойств Божиих. Они в трудах своих *доказывают*, строят *аргументы*, делают *исторические справки*, проводят *параллели и аналогии* и, словом, употребляют все приемы *логического и исторического рассуждения*, наконец, приемы в их время распространенного красноречия, вовсе не употребительные, например, у боговдохновенных пророков, речь которых местами восходит до непостижимости, неуразумеваемости, или в боговдохновенных псалмах Давида, местами превышающих всякое истолкование. Отцы и учителя древности суть *более* могучие и *менее* могучие: а Дух Св. один, и, следовательно, боговдохновенность *одна* (везде одинакова). Мы ясно *предпочитаем* Златоуста другим, потому что эти другие и Златоуст имели разные меры человеческой устной красоты и силы. Василий Блаженный — праведник, а не догматик. Святые суть светочи жизни, бытия, а не творцы непременно руководственных книг, не «папы мнений», позволю себе выразиться так. Между тем в истории произошла не столько ошибка, сколько мало-помалу развилась привычка, очень сходная с заблуждением простого нашего народа в отношении к Николаю Чудотворцу. Храмов и икон последнего едва ли на Руси не больше, чем самого Спасителя. А в истории европейских народов Евангелие и Библия совершенно заволоклись рассуждениями, мнениями, доказательствами, в сущности, наукою и письменностью, философию и красноречием «светочей жизни», «святых в подвиге» людей, к которым наивность, более народная и застарелая, чем догматическая, прикрепила определения «непогрешимости», infallibilitatis. Совершенно нет догмата о «непогрешимости и непоправимости opera omnia Patrum Ecclesiae»³. Но век за веком и компилятор за компилятором все ссылаются, все цитуют их; и вот мгла множества цитат выросла в гору убеждения: «святые мнения», «непогрешимые взгляды». Мы увидим ниже, что приблизительно такого взгляда держался митрополит московский Платон, к мнению которого совершенно позволительно пристать нам.

«Папская непогрешимость» созрела в умах иезуитов, и ими же была проведена на Ватиканском соборе. Это люди весьма практиче-

ские и далеко не мистики и не «святоши». Подумать, что они предложили папе «непогрешимость» в виде комплимента или в целях подслуживания — просто пошлость: они сами до известной степени держат в руках папу и скорее навязали ему догмат, облекли его насильно «непогрешимостью», нежели подслужились через нее к Престолу. Что же это за явление? Уже Паскаль⁴ в «*Provinciales*» громил иезуитов за их странную и чрезмерную светскость, за отсутствие в них ожидаемого и обычного добрым христианам вида тихой святости и скромной богоугодности. Это — революционеры католицизма, беспощадные к средневековым католическим орденам францисканцев, бенедиктинцев, доминиканцев, миноритов и разных белых, красных и желтых «братьев». Ничто сантиментальное или пиэтическое не присуще иезуитам. Из них был патер Секки, светило астрономии и физики XIX века, едва ли особенно преданный Фоме Аквинскому⁵, но, как и прочие иезуиты, требовавший, однако, «непогрешимости Пия IX». Заметим, что иезуиты вовсе не составляют ни ордена, ни монастыря, ни священства; это просто «*Societas Jesu*», «общество», «кружок», как бы «Армия Спасения» Бутса⁶ или наше старое «казачество», — растянувшееся у подножия старого, седого и чуть-чуть местами заплесневевшего (к XVI в.) Апостолического Римского Престола. За 3 1/2 века жизни и фантастической по упорству деятельности иезуиты съели папство и совершенно (внутренно) преобразили католицизм; все они подсказывали, все вели за собою; всему придали новый смысл, а главное — как фагоциты, пожирали всякие застарелые и отработавшие свое дело останки средневекового строя. Католики не-иезуиты ненавидят еще более иезуитов, чем протестанты или наши славянофилы. Ибо они чувствуют удары их на спине своей, тогда как мы только желчно разговариваем с ними.

Что это — люди, не брезгающие никакими средствами, разумеется само собою и также объяснимо в них, как и в «партии Горы» (монтаньяры) во французском конvente 1793 года. «Святым» в своей среде они предоставили быть святыми; и вне всякого спора тихие, кроткие, мученики за веру, чистейшие евангелики были и есть и навсегда между ними останутся — в раздробь. «Но не в этом дело», — решили они. Ведь и везде главою администрации церковной становится не первый святой своего времени, но первый умница своего времени. Вот и они, предоставляя «святым» «спасаться», в центре дела решили стать «первыми умницами» католицизма. Но переходим к «непогрешимости пап».

Мы, русские, ужасно смешно понимаем этот догмат, воображая, что в нем содержится мысль о каком-то чуть ли ни «непорочном зачатии» пап; что они — без греха, вне первородного греха, без возможности

дурных поползновений и проч. Ничего подобного! Лев XIII снимает фотографии и, вероятно, негативы у него выходят не всегда хорошо, «погрешительно». Папа может быть влюблен, гневаться, хитрить, дипломатничать. А «непогрешимость» остается. Дело в том, что самый термин «непогрешимость» принадлежит только русским и есть прием полемики. Догмат читается: «Первоверховный Пастырь, когда он говорит *ex cathedra*, т. е. всякий раз, когда он во исполнение своей должности утверждает касающиеся веры и нравственности учения как подлежащие принятию всею Церковью, то с божественною помощью, обещанною ему в лице св. Петра, он обладает тою безошибочностью (*infallibilitate*), какую Спаситель наделил Церковь на все случаи при утверждении учения о вере и нравственности, и потому такие определения его сами по себе, а не через согласие Церкви, суть непреложны». Это есть просто завершение монархизма в мнении, в учении, — подобно тому, как государь московский, лишив независимости удельных князей, основал — уж как хотите, благодетельный или неблагодетельный — факт «Москва». Но в догме и учении Церкви характер «повелительности к принятию», обязательности решения для сонмов верующих и, вообще, империализм учения всегда, с самых первых веков, развивался с такою непобедимостью, как никогда и никакая в земных делах политическая власть. Собственно для меня, напр., мирянина, которого все равно не спрашивают, одинаково безразлично, повиноваться ли повелению одного «папы», или «собору» трехсот епископов, которые суть дробь папы и ни малейшей в себе не несут дробь мирянина, мирского человека, меня или моего читателя. Олигархия тоже не очень хороша, а больше, чем олигархии, никогда ничего и не давалось в сторону мира и сонмов верующих.

Но для чего иезуитам понадобилась эта вещь? Церковь сосредоточила абсолют свой в одном и *притом живом лице*, на которое можно действовать, с которым можно уговориться, которому можно втайне посоветовать и притом внимательно подумав посоветовать, — тогда как до сего момента этот абсолют покоился в гробах сотни уже успших лиц, *qui dixerunt* («изрекли») и которым больше невозможно ничего сказать, никакого аргумента в гроб закричать, ни заплакать над их могилами, чтобы они услышали и сказали в самонужнейшем случае и в роковой истории час «да» на место «нет», и «нет» на место «да». Вот об этом г. А. Киреев и говорит, только как-то недоговаривая. Обладая «*infallibilitate ex cathedra*», папа вдруг покачнул или *in potentia* сделал возможным качание, — конечно не без причины, и притом кроваво-нужной — всего тысячелетнего здания *Ecclesiae Romanae*⁷. Теперь Лютер не будет нужен, и даже возможен, ибо он сам теперь *loquitur ex cathedra*⁸. Лютер есть дробь папы, сидит

в нем *in potentia*. Лютер захотел жениться; но если бы роковым образом в христианстве споры о браке пошли таким образом, что идеал девства *universaliter*⁹ пришлось бы признать случаем и ненужностью, то папа и может это сделать без всякого потрясения Церкви. Современное, *praesens*, заговорило громами из Ватикана, а на прошедшее и давно прошедшее, *perfectum* и *plusquamperfectum*, своей собственной истории папа наступил пятою, приказав замолчать. «Папская непогрешимость» есть полная отмена «предания» в Церкви, утешительного и возвышенного, — в интересах новых дней. Это — слом усадьбы Татьяны Лариной в интересах построения ситценабивной фабрики, при положении, что все крестьяне умершей «Танюши» обнищали и ходят с голыми пузами, босые и голодные, нищие.

Вот что такое в истинном мотиве своем «непогрешимость пап». А что таково и было намерение, видно из того, что преемник же Пия IX повернул «ничто же сумняся» на радикально новый путь, порвал со сгнившими королевствами разных Людовиков и Наполеонов и даже протянул руку социализму. «*Infallibilitas ex cathedra*» действует. Теперь никакие вздохи доминиканцев и францисканцев, ничто «милое и прекрасное» в прошлом папства и даже вообще Церкви или даже, общее — христианства — не удержит ватиканского льва; и он преспокойно может вырыть из могилы и проклясть кости Борджиа-развратника, который, как «умерший папа», был непоправим и не судим ни для какого своего преемника вплоть до Ватиканского собора, может признать систему Коперника¹⁰, осудить инквизицию (чего до сих пор не сделано и невозможно было сделать, ибо жгли «святые»), признать в полном объеме истину науки, и вообще выйти и вывести христианство на совершенно новые пути, решительно недостижимые там, где владычествует 300 или 3000 усопших «монархов мнения». Повторяем: из *perfectum*'а абсолют перенесен в *praesens* — вот и все; а как абсолют этот именовался «святостью», «непогрешимостью» и «непреложностью», то принудительно необходимо было и для папы принять именно титул «еще более непогрешимого и святого, чем все прежние святые». Иначе и невозможно было повернуть дело. И сколько нужно было наивности, чтобы увидеть в этом или лезть иезуитов, или что папа «зазнался», или что это какое-то воскрешение археологии, возврат к Средним векам и ореолу Гильдебрандта и Иннокентия III! Напротив — это совершенно новая вещь, крупновская пушка¹¹, имеющая заменить «орудия каменного века»; бронированный сталью монитор, входящий во флот деревянных парусных судов, — конечно, не для того, чтобы с ними плыть, а чтобы их сделать... ненужными или безвредными.

Мне хочется привести один вздох на Востоке, вздох именно о недостатке у себя такой *infallibilitatis*, которая невозбранно позволила бы

искренно сказать вслух истину, о которой теперь по бессилию приходится молчать. Это — знаменитое мнение митрополита Платона, изложенное им на обложке одной ему поданной раскольничьей тетрадки. В свое время резолюция эта была напечатана Владимиром Соловьевым в одной статье его (не припомню названия, но любители и знатоки Соловьева могут вспомнить) в «Вестнике Европы», но вообще она мало известна или нераспространенно известна, а с полной обстановкой своей и исторического происхождения помещена во 2-м томе «Собрания сочинений» Н. П. Гилярова-Платонова, изд. К. П. Победоносцева, Москва, 1900 год, т. 2-й, стр. 282–283. Мазитый иерарх русской Церкви под своим руководством повелел составить, в целях единоверия, «Увещание Вселенские Церкви ко всем отлучившимся ее», которое своим мягким тоном тронуло наших старообрядцев; но пуще всего преданные старине, они в том же мягком тоне написали подробный и прямо гениальный по обстоятельности разбор «Увещания» под заглавием «О преданиях церковных» и подали митрополиту Платону. Дальше мы цитируем слова Гилярова-Платонова:

«Прочел митрополит Платон книгу (“О преданиях церковных”), почувствовал ее жало, и на первом ее листе, перед заглавием, начертал:

“Церкви Христовой пастырю, и самому просвещенному не возможно иметь с раскольниками прение и их в заблуждении убедить. Ибо в прениях с обеих сторон должно быть едино начало или основание, на котором бы утверждались все доказательства. Но ежели у одной стороны начало будет иное, а у другой другое, то согласиться никогда не будет возможно. Богопросвещенный христианский богослов для утверждения всех истин веры Христовой не иное признает начало, как едино Слово Божие или Писание Ветхого Завета и Нового Завета: а раскольник, кроме сего начала, которое и мало уважает, ибо мало понимает, признает еще за равносильные Слово Божию начала и всякие правила Соборов, и всякие писания Церковных Учителей, и всякие повести в книгах церковных обретаемые, да еще их и более уважает, нежели Слово Божие, ибо они для него понятнее. Но как и правила Соборов или относились к тем временам, или писаны по пристрастию и непросвещенному невежеству, и в писаниях Церковных Учителей много погрешительного, и с самими собою и с Словом Божиим несогласного, а в повестях и zelo много басней, небылиц и безместностей, — то и следовало бы “Правила” Отцев и повести не иначе принять, как когда они согласны с Словом Божиим и служат тому объяснением. Но раскольник сего не приемлет и почитает хулою, когда б ему открыть, что Соборы или Отцы в иных мнениях погрешили, а новости многие невероятны. “Как, — воскликнет он, — Отцы Святые погрешили? Да мы их святыми почитаем, они чудеса творили, их писания суть богодухновенны”. Что на сие богослов легко может возразить,

но не посмеет: дабы не только раскольников, но и своих малосмысленных не соблазнить и не сделать зла горшего. “Вот, — провозгласит, — Отцов Святых не почитает, Соборы отвергает, повестем церковным смеется!” И так богослов богопросвещенный молчи, а раскольник ври и других глупых удобно к себе склоняя» (Н. П. Гиляров-Платонов: «Сочинения», изд. К. П. Победоносцева, т. 2, стр. 282–283).

Вот и на Востоке вздох по *infallibilitate*, живой и личной, принадлежащей *praesenti*, которою можно было бы поправить в своем роде папство прошлого, авторитет могил, «непререкаемость» христианских *perfectum*'ов. Иногда подымается голос о созыве Вселенского собора. Для чего? Не для нового творчества, или не для него впереди остального, а именно для того, чтобы создать новую и живую, теперь думающую *infallibilitas*, авторитет мощнейший, нежели, например, авторитет Московского собора 1666–1667 годов, породивший наш печальнейший раскол. В своем настоящем мы не имеем достаточного авторитета, — и похожи на переписчиков XVI–XVII века, переписывающих ошибку из тетрадки в тетрадку. Но в XVI–XVII веках это делалось с наивною верою, которой у нас, например у митрополита Платона, нет. Между тем религия, горение души к Богу, конечно, должна быть прежде всего *искренняя*; вера есть *уверенность*; и когда нет у нас не только уверенности, но и полного «просвещенного знания» об ошибках *perfectum*'ов, то, вводя неискренность, принужденную молчать о предметах веры, мы, так сказать, подсекаем самое существо в себе веры. И, охраняя ее увядшие листья, губим и корень ее и ствол.

Митрополит московский Филарет, узнав о существовании приведенной резолюции митрополита Платона, потребовал к себе тетрадь и вырезал лист, на котором была надпись, — «и притом очень аккуратно, так что верхняя полоска бумаги, где не было Платоновой руки, осталась» (Гил.-Плат., стр. 284). Какой странный поступок! Не хотел ли им сказать Филарет: «И я так думаю, но это надо скрыть»? — Да. Иначе бы он поднял шум, обвинил бы Платона, которого не весьма любил, поднял бы вопрос об аресте его «Сочинений», отмене всех его распоряжений и предании его суду церковному за мнение столь опасное. Так и поступали с ошибающимися людьми и ошибочными мнениями в древние века, когда судили и живых и мертвых, например осудили умершего уже Ария. Но Филарет скрыл. Однако исполнился глагол, что Бог знает тайные помышления наши и раньше или позже, тем или иным путем, выводит их въявь. Именно самому Филарету пришлось повторить вздох Платона, вздох в сущности о той же немощи поправить прошлое. В начале царствования Александра II, в пору ожидаемых во всех от-

раслях отечественной жизни реформ, ожидалась она и в духовном ведомстве. Известный А. Н. Муравьев составил обширную записку о желаемых и должных здесь переменах. Митрополит Филарет по прочтении записки (мы цитируем историка) «отметил трудность и почти неосуществимость церковной реформы». «Несчастье нашего времени, — писал он Иннокентию, — в том, что количество погрешностей и неосторожностей, накопленное не одним уже веком, едва ли не превышает силы и средства исправления» («Богословский вестник», 1901 год, июль, стр. 396).

Таким образом, даже и этот охранительнейший из охранительных умов тоже хотел бы и уже не может «исправить». Совершилось, но только не в области переписки, но в гораздо высшей области, умственной и сердечной, расхождение принудительно-должной веры и приемлемо-возможной веры. До какой степени здесь запутались дела, я испытал сейчас, наводя справки для настоящей статьи, и приведу факт, так сказать, в его трепетной живости. Приведа в начале статьи слова г. А. Киреева о необходимости поправить «Правила и Постановления», и зная, что таковые идут от апостолов и Вселенских соборов, я вписал: «конечно, не о Постановлениях Апостольских говорит А. Киреев». Мне показалось неудобным говорить о последних. Для справки я, однако, открыл статью «Православной богословской энциклопедии», изд. под ред. проф. А. П. Лопухина, СПб., 1900 г., под рубрикою «Апостольские постановления», и вот что прочел здесь:

«Выражаемое некоторыми желание видеть Сборник этот переведенным на русский язык с разумными комментариями и пропусками нельзя не признать весьма основательным: так как сборник этот является замечательным памятником как по своей маститой древности, так и по историческому значению в истории права Восточной Церкви».

Таким образом, не то, чтобы «нарушить» эти постановления нельзя, но перевести их *опасно* или возможно только с пропусками и комментариями: до того *они уже нарушены!* А между тем в апостольский век и вообще первое время Церкви «он (сборник Апостольских Постановлений) ставился наряду с священными книгами Нового Завета» (см. там же) и в нем местами прямо стоит: «я, Петр, вам говорю» — и далее следуют «постановления»; в него вставлены древнейшие молитвы, песнопения, повторяющиеся сейчас на литургии.

А мы иногда спорим, благочестиво ли пересмотреть «Устав духовных консисторий», критикуема ли «Кормчая» и проч. Увы, между III и XV веком так усердно «критиковали», что до нас дошли только обрезки первоначального. Фотий, патриарх константино-

польский, в «Bibliotheca» пишет: «Постановления Апостольские» подлежат порицанию по трем причинам: во-1-х — за худой вымысел, который, впрочем, не трудно отличить, во-2-х — за оскорбительные отзывы о Второзаконии, которые еще легче устранить, и, в 3-х — за арианство, которое может отбросить в них каждый» (там же).

Если принять, напр., во внимание «арианство», появившееся гораздо позднее «Апостольских Постановлений», то ведь очевидно, что не апостолы заимствовали из III-го века арианство, но что арианство опиралось на эти «постановления»; и чтобы его низвергнуть, надо было низвергнуть Постановления, отчего и повернулось все дело так, что они «виновны в арианстве». Sapienti sat...¹² Так поднимать ли нам, как это делают иные святоши патриаршеского периода, речь о «Духовном регламенте» и многих новых и новейших постановлениях, что они в некоторых местах «не очень каноничны»: ведь они поправляют поправки и даже исправляют поправки поправок, под которыми решительно и дна не различишь... А сегодняшний наш день в вере есть просто наш и только наш день. Вера есть чистосердечие. И не возродить ее патриарху московскому, который принесет с собой пышность «и велелелепие», бессилие поправить, увеличение силы «охранить» именно нуждающееся в поправках; — и в шуршащем шлейфе одеяний которого мое бедное сомневающееся сердце все равно поволочется жалко, как сухой лист выкинутого в переднюю веника. Нет. Или Собор, или папа: но ни пол-папы, ни неудачный папа, каковых мы видели от Годунова до Петра. Или оставьте мое «интеллигентное» сердце, как сейчас — в покое и на свободе... Может быть, последнее всего удобнее, и потому оно так крепко исторически и держится.

Но кончим о Западе, в связи с восточными «разъяснениями». Приведенным вздохом Платонов, Филаретов, Фотиев и удовлетворила «infallibilitas» пап. «Теперь все будет ясно», «теперь вам будет чему верить», — сказал «ватиканский лев», указав на себя. Удельно-вечевой период мнения кончен, и поднялась бесспорная, а главное — удобная Москва.

Мне кажется, всего этого не видит г. А. Киреев и не увидели наименее старокатолики, эти сентименталисты Средних веков.

1902 г.

